

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА МЕТАФОРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ЯЗЫКЕ (на примере французского языка)

Г.В. Беликова

Аннотация. В статье обсуждается вопрос возможности и истинности экспликации содержания когнитивных структур знаний в соответствующих структурах языка. Гносеологическая дуальность фрейма обуславливает использование этого теоретического конструкта для выявления взаимосвязи ментальных и языковых структур: как когнитивный феномен и как феномен лингвальный фрейм объективирует соотношенность когнитивных структур знаний с их лингвистическим описанием. Особенности функционирования фреймов демонстрируются на примере анализа метафор и, в частности, смешанной метафоры. Особая роль в репрезентации и описании когнитивно-языковых корреляций отводится метафоре, поскольку интерпретация непрогнозируемой референции метафоры требует обращения как к языковой информации, так и к энциклопедическому знанию, а значит, активации в той или иной степени определенных фреймовых структур знаний. В параметрах фреймовой «механики» возникновение метафоры, и особенно смешанной метафоры, обусловлено комбинацией фреймов с различными, зачастую несовместимыми концептуальными основаниями, что свидетельствует о сложном, многоаспектном процессе концептуализации явления действительности. В то же время это формирование смысла или переосмысление существующего происходит во взаимодействии фреймоподобных структур знаний и символических знаковых систем, воплощающих и, в частности, вербально символизирующих эти смыслы. В этой перспективе метафора — это, прежде всего, отраженное в языке отношение между мироощущением и его вербально символизируемым «схваченным» индивидом смыслом.

Ключевые слова: фрейм, когнитивные структуры знаний, метафора, смешанная метафора, концептуальные домены, языковое значение, концептуальная метафора.

Для цитирования: Беликова Г.В. Когнитивная семантика метафоры как отражение концептуальных структур в языке (на примере французского языка) // Преподаватель XXI век. 2021. № 3. Часть 2. С. 321–334. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-321-334

321

COGNITIVE SEMANTICS OF METAPHORS AS A REFLECTION
OF CONCEPTUAL STRUCTURES IN A LANGUAGE
(Using the French Language as an Example)

G.V. Belikova

Abstract. *The article considers the possibility and authenticity of explicating the content of cognitive structures of knowledge in the corresponding language constructions. The gnoseological duality of the frame determines the use of this theoretical construct for revealing the interrelation of mental and linguistic structures: as a cognitive phenomenon and as a linguistic phenomenon, the frame objectifies the correlation of cognitive structures of knowledge with their linguistic description. The peculiarities of frame functioning are demonstrated on the example of the analysis of metaphors and, in particular, mixed metaphors. A special role in the representation and description of cognitive-linguistic correlations is assigned to metaphor, since the interpretation of metaphor's unpredictable reference requires an appeal to both linguistic information and encyclopedic knowledge, and thus activation, to one degree or another, of certain frame structures of knowledge. Within the parameters of frame «mechanics,» the emergence of metaphor, and especially mixed metaphor, is due to the combination of frames with different, often incompatible conceptual bases, which indicates a complex, multidimensional process of conceptualizing the phenomenon of reality. At the same time, this formation of meaning or reinterpretation of the existing occurs in the interaction of frame-like knowledge structures and symbolic sign systems that embody and, in particular, verbally symbolize these meanings. In this perspective, metaphor is, first of all, the relation reflected in language between the worldview and its verbally symbolized meaning «grasped» by an individual.*

Keywords: *frame, cognitive knowledge structures, metaphor, mixed metaphor, conceptual domains, linguistic meaning, conceptual metaphor.*

Cite as: Belikova G.V. Cognitive Semantics of Metaphors as a Reflection of Conceptual Structures in a Language (Using the French Language as an Example). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2021, No. 3, part 2, pp. 321–334. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-3-321-334

322

В современной интерпретации общественных процессов понятие картины мира человека становится ключевым для их истолкования и прогнозирования. Под термином «картина мира» традиционно понимается концептуальная картина мира, поскольку ее содержанием является совокупность сформированных человеком и обществом знаний об окружающей действительности, хранимых в концептах — объективно существующих в сознании человека «перцептивно-когнитивно-аффективных образования динамического характера [...], спонтанно

функционирующих в познавательной и коммуникативной деятельности индивида» [1, с. 140]. Содержание концептов и других видов когнитивных структур (гештальты, сценарии, семантические сети, пропозиции, фреймы и пр.) объективируется на основе фактов языка (хотя и не только), посредством которых означаются те или иные элементы действительности и транслируется информация об их социально-разделяемых значениях и смыслах. Такая оязыковленная репрезентация эвристического опыта общества формирует языковую картину мира,

которая предстает как итог семиотизации «стоящей» за ней определенной части концептуальной картины мира.

Реконструкция языковой картины фрагмента мира требует определения совокупности существенных для личности и общества понятий, характеризующих данный «кусочек» окружающей действительности, т. е. некую предметную область (далее — ПО) жизнедеятельности человека. Выявление таких понятий, установление их системных связей невозможно без обращения к тем структурам знаний, которые фундируют значения языковых единиц, вербализующих данные понятия. Следовательно, можно полагать, что подобная ментально-лингвальная процедура демонстрирует соотносительность данных языковых знаков с определенными когнитивными структурами знаний и является объективацией конкретной области индивидуальной и/или коллективной когнитивной реальности. Возможность (и истинность) такой экспликации содержания когнитивных структур знаний обусловлена известным представлением о триединстве сознания, мышления и языка как атрибутах «ментально-лингвального комплекса», в котором язык, инструмент мышления, осуществляет дискретизацию «информационного континуума» на информационные сгущения («информемы») разного объема [2, с. 63–70]¹.

Теоретическим конструктом наиболее доступным для экспликации отношений когерентности между единицами ментального лексикона и языковыми знаками является, в нашем представлении, фрейм — ментальная структура знаний о

ПО, соотносительных с определенным лексико-грамматическим арсеналом языка. Действительно, фрейм, в соответствии с его каноническим определением, — «структура данных для представления стереотипной ситуации» [4, с. 1], есть наличие априори некоего объема информации о существенном, типичном, достоверном и возможном для идентифицируемого референта. С одной стороны, эта когнитивная реальность фрейма активируется, что показательно, посредством ключевого слова/словосочетания, т. е. типичного для ПО имени (*крайний* — фрейм «очередь»; *дневник* — фреймы «ученик», «учитель» и пр.; *на что жалуетесь* — фрейм «у врача»; *фейерверк* — фрейм «праздник» и т. д.), с другой, — такое «включение» посредством типичного имени возможно именно потому, что идентификация референта происходит с опорой на протофрейм — «структуру данных (образ)», которую в процессе осмысления малопонятного или неизвестного явления человек извлекает из своей памяти и при необходимости адаптирует так, «чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов» [там же]. В этом заключается, можно сказать, счастливый парадокс фрейма: экспликация фрейма понятия невозможна без соответствующего, соотносительного с именем понятия языкового материала², но, в тоже время, локализация этих конкретных языковых значений верхних и терминальных уровней фрейма «отформатирована» неким обобщенным целостным представлением,

¹ Ср. исследование Е.С. Кубряковой о «реальных связях и корреляциях», которые «могут быть выявлены между структурами сознания или структурами знания и объективирующими их языковыми формами», а также: «Семантические [...] пространства языков со своей метрикой и топологией находят аналоговое отражение в голове человека: языковая картина мира имеет свой специфический «двойник» во внутреннем лексиконе» [3, с. 56–59].

² Такая соотносительность выражена в языке в форме лексико-семантического поля с именем его ядра (концептуальное основание фрейма), ближайшей и дальней перифериями.

ранее сложившейся структурой знания в основе этих значений, собственно фреймом.

Такая гносеологическая дуальность фрейма очевидна при создании фреймовой онтологии понятия, т. е. представления знания о явлении действительности в форме сети/иерархии понятий. При фреймировании понятия исследователь фактически «идет» от языка: начиная с экспонента знака (идентифицирующего имени, концептуального основания фрейма) данной ПО, определяя генерализированные понятия — имена слота-родителя или слота-предшественника и заканчивая аспектуальными терминами-номинатами слотов, конкретизирующими их (словов) значения в структуре данного фрейма. Однако при выявлении и отборе этих единиц языка, обозначающих типичные понятия, необходимые и достаточные для идентификации описываемой ПО, исследователь руководствуется, вместе с тем, неким «идеальным образом» [4, с. 16], стереотипом восприятия этого реального или воображаемого объекта, собственно говоря, «первичным фреймом» [5], позволяющим категоризовать и, как следствие, поименовать данный элемент действительности. Иными словами, для активации, хронотопического «включения» фрейма необходимо имя, ассоциируемое с данным фреймом, однако выбор этого имени опосредован известным и, по сути, невербальным фреймом — «концептуальным базисом знания и практики, стоящим за этой областью словаря» [6, с. 54]. На эту принципиально важную когнитивно-лингвальную особенность

фреймоподобных структур знаний указывал Ч. Филлмор, особенно подчеркивая наличие не замечаемой исследователями «непосредственной связи между понятийными фреймами и лингвистическим описанием как таковым» [там же, с. 65]³. Заметим, что с учетом когнитивного феномена фрейма как врожденной и/или усвоенной структуры знаний о некоторой ПО, а также его языковой, иногда доминантной ипостаси для тех фреймов, «существование которых полностью зависит от связанных с ними языковых выражений» [6, с. 65], уже традиционное (и часто критикуемое за излишний абсолютизм) суждение об обусловленности мировидения индивида языком получает свое обоснование: принимая во внимание представленную выше когнитивно-лингвальную сущность понятия фрейма, а также и то, что фреймирование есть «свойство самой организации событий и когниций» [5], можно утверждать, что язык не только овнешняет, но фрагментирует, координирует и проясняет элементы картины мира индивида.

Итак, фрейм как когнитивный феномен есть структурирование, упорядочивание и схематизация обобщенной типизированной информации о фрагменте мира, а как феномен лингвальный — вербальное представление и трансляция системы знаний о данном фрагменте окружающей действительности. В призме нашего исследования специфическим мыслительно-языковым средством как экспликации (и, следовательно, «включения») фрейма, так и его создания выступает метафора в

³ Ср. в этой связи ментально-языковую интерпретацию Ч. Филлмором понятия «фрейм». Согласно ученому, группа лексических единиц есть «лексический представитель некоторой единой схематизации опыта или некоторого знания», эти лексемы «удерживаются» в этой группе именно потому, что «они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта, для которых можно использовать общий термин фрейм» [6, с. 54], а также: «Мы можем употреблять термин фрейм, когда имеется в виду специфическое лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруженных в схемах» [7, с. 110].

ее когнитивной и номинативной функциях в процессах концептуализации и выражения знаний о фреймируемом элементе действительности.

Особая роль метафоры как вербализатора знания о ПО обусловлена ее характерными свойствами: единица вторичного семиозиса — языковая метафора, соединяя в себе «две мысли о двух различных вещах [...] внутри одного-единственного слова или выражения» [8, с. 46], создает непрогнозируемую, неожиданную референцию. Для интерпретации последней недостаточно только языковой (словарного значения слова) информации. Необходимо обращение к энциклопедическому (все то, что «подведено» под это слово) знанию, а значит, активация в той или иной степени определенных фреймовых структур знаний, позволяющих объяснить созданное метафорой логическое противоречие, неминуемо возникающее при ее буквальном прочтении (ср., например, в предложении *Il est évident que le projet d'armistice commercial entre la Chine et les Etats-Unis va booster les échanges entre les deux puissances* [9] (Совершенно очевидно, что понимание смысла сказанного в предложении «Проект коммерческого перемирия между Китаем и США подстегнет (букв. послужит допингом) торговые связи между державами»)⁴) происходит не буквально, на основе языковой информации, но опосредованно, с «включением» соответствующих фреймов: «военная» метафора *armistice commercial* указывает на существующую, аналогичную боевым действиям, напряженность в торговых отношениях между странами, тогда как «спортивная» (в данном контексте) метафора *booster les échanges* — на необходимость и, соответственно, желание двух

держав прекратить «боевые действия» в сфере торговых отношений и интенсифицировать, придать импульс эффективно-му товарообмену).

Наличие отношений связности между элементами когнитивной области и значениями овнешняющих эти элементы языковых знаков особенно наглядно при актуализации авторской, стилистической метафоры. Ее когнитивным базисом является *переживание* автором предмета номинации, которое и мотивирует его (предмета) иносказательную номинацию не столько на основе подмеченного сходства между «вспомогательным субъектом», «рамкой» и «главным субъектом», «фокусом» [10] метафоры, сколько из ощущения различий между уподобляемыми сущностями: «Обычно сходство является наиболее очевидной основой переноса, но своеобразные модификации «содержания», которые возникают благодаря «оболочке», являются в гораздо большей степени результатом различий между объектами, чем сходства между ними», «...сила метафоры проистекает не только из ассоциаций [...], которые слово привносит в текст, но в равной мере из различий, которые противостоят сходству и контролируют его влияние» [8, с. 64–65]. Последнее цитируемое утверждение показательно не только подчеркиванием функциональной прагматики метафоры, но, прежде всего, тем, что такая творческая метафора, это «естественное и сильнодействующее сочетание» [там же], объективирует в языке результат осмысления автором явления действительности, в процессе которого адресант способен извлекать из памяти и связывать между собой различные, с разными концептуальными основаниями, фреймы (ср.: концептуализация и вербализация

⁴ Здесь и далее перевод наш.

сенсорного ощущения (вкуса вина) в предложении *Les deux autres flairent : c'est vin fumeux comme un bouquet, comme une caresse, comme un refrain, comme une belle fille, comme l'avenir!* [11, с. 34] (Двое других принохивались: это пьянящее вино, как букет цветов, как ласка женщины, как припев, как красавица, как будущность) происходит посредством метафорического проецирования из онтологически разнородных, несвязанных фреймов-источников (далее — ФИ) «Природа/растения/цветы», «Чувства/ощущения», «Пение/куплетная песня», «Эстетика/совершенство/женщина», «Время/судьба» в единую область цель (далее — ОЦ) «Вино». Достаточно установить метафорическое основание той или иной языковой метафоры, чтобы убедиться в истинности суждения, уже ставшего аксиоматическим: «Метафора в первую очередь связана с мышлением и деятельностью; ее связь с языком вторична» [12, с. 182]. Это приводит нас к пониманию когнитивно-семиологической значимости языковой метафоры, которую мы трактуем как языковой «отпечаток» метафоры концептуальной, обеспечивающей «понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [там же, с. 27]. Как инструмент когниции концептуальная метафора определяет процесс интериоризации знания, собственно его «присвоения» путем отнесения к соответствующему фрейму или создания нового (в случае не конвенциональной, а творческой метафоры) фрейма, что объясняет ее онтологический, гносеологический и регулятивный потенциал: «Во всех сферах жизни [...] мы определяем реальность на языке метафор, а затем начинаем действовать в

соответствии с ними. Мы выводим следствия, определяем цели, принимаем обязательства, реализуем планы — и все это на основе частично структурированного опыта, осознанно или неосознанно осуществляемого нами с помощью метафор» [там же, с. 97].

Языковая метафора как языковой гештальт концептуальной метафоры в ее основании отражает способ осмысления неструктурированных (зачастую абстрактных) сущностей посредством установления ментальных проекций между фреймовыми структурами знания области источника (далее — ОИ) метафорического ассоциирования и областью целью, в результате чего отдельные элементы области источника профилируются в области цели и определяют ее понимание. Такое структурирование ОЦ, известное как «гипотеза инвариантности» [13, с. 9], означает, что когнитивная топология ОЦ формируется посредством этих проецируемых в ОЦ элементов области источника. Вместе с тем существует множество метафорических контекстов, в которых однонаправленная междоменная проекция («гипотеза инвариантности») оказывается нерелевантной. В этом случае принято говорить о переструктурировании существующей ОЦ⁵, что на уровне фреймоподобных структур знания означает переорганизацию существующего фрейма ОЦ посредством фокусировки ранее неявных, имплицативных элементов данного фрейма и затемнения, удаления на второй план его типичных слотов (ср., например, перспективизацию различных элементов фрейма «Голос» посредством их метафорической репрезентации в предложении *Je savais que sa voix posée pouvait devenir friable* [14, с. 261] (Я знал,

⁵ Ср.: «В этих случаях следует говорить не столько о прояснении (структурировании) неясной целевой области, сколько об изменении уже имеющейся структуры области цели, о ее переструктурировании» [13, с. 10].

что ее поставленный голос может стать хрупким и ломким (букв. рассыпчатым, рыхлым, легко крошащимся), где метафорическая проекция «Конструкция/материал — Голос» ограничивает поле смысловых ассоциаций целостного фрейма «Голос» отдельными, выдвигаемыми на передний план контрастными свойствами голоса. Значение поставленный/прочный голос, т. е. профессионально подготовленный, выдерживающий большие нагрузки, создается за счет профилирования таких элементов фрейма-источника («Конструкция/материал»), как основа, фундамент, прочность материала, при котором голос уподобляется прочному материалу и/или основательной конструкции, прочно стоящей на данном фундаменте. С другой стороны, та же метафора «Конструкция/материал — Голос» актуализирует оппозитивные первым свойства голоса хрупкий, ломкий в финальной пропозиции *devenir friable* за счет профилирования других элементов ФИ — материал, который может крошиться, стать рыхлым, что приводит к иному «видению» голоса: зыбкая конструкция, рассыпающийся от деформации материал, становящийся рыхлым, сыпучим, словно песок). Таким образом, лингвистическая метафора — это тот языковой выбор и тот языковой способ, который активизирует конкретную фреймовую структуру, но при этом метафора сама «принадлежит» данному фрейму, поскольку ее означаемое опосредовано «включенной» частью соответствующего фрейма.

Важная роль метафоры в экспликации особенностей функционирования фреймов, стоящих за языковыми номинациями, обусловлена и тем, что фреймовая семантика метафоры отражает коллективные представления о соотношенности языкового значения с определенным

концептом, т. е. когнитивной областью «за» этим значением, «квантом структурированного знания» [15, с. 4], аккумулирующим значимую для жизнедеятельности человека и общества информацию в ее энциклопедическом, языковом и ценностно-смысловом измерениях. Действительно, поскольку метафора является единицей косвенно-производной номинации, ее возникновение и интерпретация предполагают наличие коллективного смыслового пространства, позволяющего адресанту быть в известной степени уверенным, что адресат поймет иносказательность актуализируемой номинации, ее алогичность из-за возникшего противоречия между буквальным значением используемого номината («вспомогательного субъекта» [10]) и конструируемым смыслом высказывания. Иными словами, «опознание» и декодирование метафоры требует от адресата осознания нетождественности языковой и энциклопедической информации: «...когда слово комбинируется с другим таким образом, что между центральными значениями этого и других слов возникает логическая оппозиция, то происходит сдвиг от центрального значения рассматриваемого слова к его маргинальному значению, и этот сдвиг показывает, что слово употреблено метафорически» [16, с. 207]. Эти «маргинальные» значения в основе метафорической номинации и есть коллективно разделяемые, часто культурологически обусловленные представления, собственно фреймовые структуры знаний, сложившиеся в историко-культурной традиции общества (ср., например, необходимость обращения адресатов к внеязыковым структурам знания, личностным и коллективным представлениям, в том числе и этноспецифическим, для понимания цветочных метафор коррупции *corruption blanche* (белая коррупция),

corruption grise (серая коррупция), *corruption noire* (черная коррупция)).

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что установление семантического диссонанса при интерпретации метафоры невозможно без активации сразу двух различных фреймовых структур знаний, с каждой из которых соотносится данная метафора. Например, в метафорах цвета каждый метафорический эпитет *blanche*, *grise*, *noire* «принадлежит» сразу двум фреймам: первый — структура данных, стереотипный образ ахроматического цвета как физиологического зрительного ощущения, а второй — структура знаний о символических значениях, приписываемых человеком, в данном случае французами, цветовым ощущениям. Следовательно, анализ метафорической номинации позволяет, с одной стороны, выявить связи между когнитивными структурами и овнешняющими их языковыми знаками, с другой — продемонстрировать способность сознания оперировать различными когнитивными контекстами (моделями, фреймами, ментальными пространствами, концептуальными структурами и т. д.) в процессе концептуализации явления действительности.

Когнитивная «полифоничность» сознания и, что еще удивительней, его непредсказуемые аналоговые инференции наглядно проявляются при актуализации так называемой смешанной метафоры — метафора, рождающаяся при интеграции концептуальных метафор, принадлежащих разнородным метафорическим моделям, т. е. различным фреймам-источникам данной смешанной метафоры (далее — СМ)⁶. Так, узуальная фразеологическая единица (далее — ФЕ) *en mettre plein la vue* (впечатлить, «сразить», эпатировать) являет пример такой смешанной,

гибридной метафоры, сложившейся и зафиксированной во французской языковой и культурной традиции в результате конвергенции двух языковых метафор *donner dans la vue à qqn* (букв. «попасть во взгляд, в поле зрения кого-то» в значении «привлекать внимание, понравиться, соблазнять, внушать нежные чувства кому-то») и *mettre en plein* (букв. «помещать полностью, посреди, целиком» в значении «попасть прямо в цель, попасть в десятку, в яблочко») [17]. Фразеологическое значение данной ФЕ формируется в результате когнитивного процесса наложения ментальных пространств (фреймовых структур) двух различных концептуальных доменов. В первом соотносятся глаза человека как орган чувств с его способностью к эмоционально-оценочному суждению посредством зрительного восприятия предмета, его «попадания» в «поле зрения» человека; человек сначала «воспринимает глазами» (не случайно некоторые известные ощущения передаются сенсорными метафорами «пожирать глазами», «пить глазами»).

Заметим, что изначально (XVII в.) предметом референции свободносинтаксического прототипа фраземы *donner dans la vue à qqn* был материальный объект, как правило, плательная ткань, блеск которой (обязательный признак качества и дороговизны) привлекал взгляд и косвенно указывал на зажиточность ее обладательницы [там же], что не могло не оцениваться позитивно. Эта коннотация, а также метафорическое прочтение глагола *donner* в основании внутренней формы обуславливают фразеологизацию прототипа и значение фразеологизма. Первоначально *donner dans la vue à qqn* получает значение *frapper par un éclat agréable* (букв. «сразить приятным блеском»):

⁶ Здесь мы не останавливаемся на различных трактовках СМ, ее дистинктивных признаках, в том числе синтаксического плана.

“*Les filles aiment mieux ce qui donne dans la vue*” (Девушки больше любят то, что бросается в глаза (букв. «поле зрения»)) [18] и затем современное значение фразеологизма — *exciter l’attention, le désir, l’ambition* (привлекать внимание, бросаться в глаза, вызывать желания, возбуждать амбиции и т. п. (см. также выше): “*À l’exception de votre beauté que je ne dispute pas, et qui m’a donné dans la vue...*” (За исключением вашей красоты, которая бросилась мне в глаза... (букв. «поле зрения»)), “*Je donnai dans la vue aux deux filles du roi*” (Я понравился/привлек внимание (букв. попал в «поле зрения») двух дочерей короля) [18]. Фразеологизация значения свободносинтаксического прототипа *donner dans la vue à qqn* мотивирована метафтонимическим переосмыслением: изначально метонимическим трансфером «функция (зрение) — орган человека (глаза)», затем метафорой «глаза (поле зрения) — вместилища (емкость для «содержания» поля зрения)». Следовательно, фрейм данного «отрезка» концептуального домена можно записать как сенсорную концептуальную метафору ГЛАЗА (поле зрения) — ВМЕСТИЛИЩА ЭМОЦИЙ. Отметим, что эта концептуальная метафора является универсальной (межкультурной) онтологической метафорой (ср. в этой связи: [12, с. 55–56]).

Фреймовая структура второго концептуального домена, вербализованная фраземой *mettre en plein*, является концептуализацией представления о достижении цели и уподобляет процесс получения желаемого результата стрельбе по мишени (выбиванию «яблочка» мишени). Эта спортивная/военная концептуальная метафора ПОРАЖЕНИЕ МИШЕНИ — РЕЗУЛЬТАТ смешивается с метафорой первого исходного домена ГЛАЗА — ВМЕСТИЛИЩА ЭМОЦИЙ таким образом, что интеграция определенных элементов двух

разнодоменных фреймовых структур приводит к формированию независимого фрейма, хотя и близкого семантически первой ОИ, соотношенного с новым экспонентом — смешанной метафорой *en mettre plein la vue*.

Этот новый фрейм есть, скорее, языковой фрейм, в том смысле, что он более создан языком, чем проявляется в нем: по существу, вне языковой метафоры *en mettre plein la vue* невозможно описать то фактическое содержание (как мыслительную категорию), которое она отражает — об *интенсивности* впечатления в рамках макрофрейма с концептуальным основанием «переживания/эмоции», в котором можно выделить субфрейм «впечатление» и его слот «интенсивное переживание/эмоция». Наличие весьма популярного разговорно-обиходного варианта ФЕ *en foutre plein la vue* косвенно подтверждает, что референцией этой экспрессивно-оценочной языковой метафоры является качественный показатель производимого впечатления — интенсивность. На языковую мотивированность (производимость от известных ФЕ) этой фраземы указывает также синонимия данной смешанной метафоры и, например, «основных» лексем *épater* (эпатировать, ошеломлять, «сразить»), *impressionner* (производить впечатление, впечатлять), *éblouir* (поразить, впечатлить, покорять), активизирующих один и тот же слот одного и того же субфрейма единого макрофрейма. Иначе говоря, рассматриваемая СМ отсылает только к собственному языковому значению, а не к «фрейму интерпретации» [6], концептуальной структуре знаний «за» ее означающим (как это происходит в случае актуализации производящих метафор: *donner dans la vue à qqn*, активизирующей все содержание фрейма «глаза/поле зрения», и *mettre en plein* — «попадание в мишень»). Заметим, что сегодня метафора

mettre en plein в значении «попадание в мишень» может не осознаваться как таковая, однако буквальное прочтение лексем в составе фраземы вызывает соответствующие смысловые ассоциации. Можно сказать, что СМ *en mettre plein la vue* вербализует как бы новый, более эмоциональный взгляд на прежний «порядок вещей» — фрейм интерпретации «глаза/поле зрения», который возможно записать так: «попадая в поле зрения человека, объект производит определенное впечатление, оценивается человеком, и если это впечатление соответствует искомому, то человек достигает цели»).

В диахронии рассматриваемая смешанная метафора явилась результатом конвергенции *заимствованных* из первичных и «обиходных» фреймов (первый — «глаза», слот «поле зрения», второй — «стрельба», слот «спортивная/военная стрельба по мишени») хорошо знакомых метафор (*donner dans la vue* и *mettre en plein*) — языковых знаков, отражающих определенные фреймовые структуры знаний, «подведенные» под эти метафоры (и другие семантически связанные с ними языковые знаки, каждый из которых может активировать соответствующий слот фрейма). Это позволяет считать, что изначально в процессе узуализации данной СМ ее значение не усваивалось (как в случае ее производящих метафор), а, скорее, опознавалось на основе конвергирующих в ней уже известных метафор, и только поэтому некогда окказиональная актуализация этого метафорического неологизма была соотнесена с субфреймом «впечатление». Данное наблюдение может, как представляется, оказаться полезным при

решении вопроса, каким образом происходит понимание смешанных метафор: с активацией когнитивных областей — исходных доменов СМ или с опорой только на языковую информацию без апелляции к концептуальным метафорам в основе СМ⁷. С учетом компилятивной и легко распознаваемой внутренней формы СМ *en mettre plein la vue* можно полагать, что ее восприятие адресатом не требовало когнитивной идентификации референта, достаточно было языковой информации для декодирования СМ.

Одним из условий такого «поверхностно языкового» понимания СМ является также относительная целостность ее образа, что обеспечивается, на наш взгляд, принципиальной возможностью конвергирующих метафор-компонентов СМ сочетаться между собой, не вызывая в сознании реципиента концептуального противоречия и обеспечивая таким образом реализацию единой коммуникативной цели (ср.: «...метафора работает, если достигает своей цели, т. е. способствует пониманию выбранного аспекта понятия. Если две метафоры достигают две цели, то пересечению целей будет соответствовать пересечение метафор» [12, с. 130]). Не останавливаясь здесь подробно на различных интерпретациях согласованности/совместимости метафор, отметим, что формирование СМ *en mettre plein la vue* стало возможным, поскольку конвергирующие метафоры в ее основании, принадлежащие разнодоменным фреймам-источникам, обнаруживают, тем не менее, общую терминальную вершину, что, на наш взгляд, и обеспечивает их сочетаемость. Этот общий для двух разнородных фреймов-источников

⁷ Ср. в этой связи: «Рассматривая вопрос о понимании смешанной метафоры, автор сравнивает два подхода к обработке метафоры: концептуальный и неконцептуальный. В первом случае предполагается, что при восприятии метафоры активируются домены-источники, связанные с доменами цели. Во втором случае утверждается, что метафора обрабатывается на поверхностном языковом уровне» [19, с. 21]).

слот на уровне языковой репрезентации предстает как общая метафорическая инференция, выводимая следующим образом:

1) фраза *donner dans la vue à qqn* есть языковой гештальт концептуальной метафоры «ГЛАЗА — ВМЕСТИЛИЩА ЭМОЦИЙ» и метафорической актуализации глагола *donner*, указывающей на попадание (преднамеренное или нет) объекта в поле зрения человека. Метафорическое следствие можно записать следующим образом: поле зрения человека есть его ограниченное физическое пространство, следовательно, попадая в поле зрения человека, объект может воздействовать на это пространство, вызывая эмоционально-оценочную реакцию человека; значит, попадая (преднамеренно) в поле зрения человека и вызывая определенные эмоции, объект достигает своей цели;

2) фраза *mettre en plein* — языковой гештальт концептуальной метафоры ПОРАЖЕНИЕ МИШЕНИ — РЕЗУЛЬТАТ, отсюда неметафорическое следствие: стрельба по мишени предполагает ее поражение, т. е. выбивание «яблочка» мишени, следовательно, попадание в центр мишени означает ее поражение и достижение своей цели. Поскольку данная фраза смешивается с метафорой поля зрения, постольку и это неметафорическое следствие «достижение цели» при поражении мишени приобретает метафорический характер: мишенью становятся глаза, «поле зрения» человека, которую нужно поразить, следовательно, попасть прямо в центр поля зрения, что и будет означать достижение цели.

Таким образом, общее метафорическое следствие *достижение цели* обуславливает сочетаемость этих разнодоменных метафор как языковых репрезентаций общей терминальной вершины для двух различных фреймов-источников СМ *en mettre plein la vue*.

Итак, рассмотренная смешанная метафора есть результат интеграции в смешанном, междоменном ментальном пространстве элементов фреймовых структур исходных концептуальных доменов, соотносящихся с различными метафорическими моделями (М-моделями): сенсорная М-модель, концептуальная метафора поля зрения как источника эмоционально-оценочного суждения, и спортивная М-модель, концептуальная метафора вида спортивного состязания как образа достижения намеченной цели. В параметрах фреймовой «механики» возникновение метафоры, и особенно СМ, обусловлено комбинацией фреймов (и их слотов) с различными, зачастую несовместимыми концептуальными основаниями (орган человека — глаза/поле зрения и спорт — состязание «стрельба по мишени»), что свидетельствует о сложном, многоаспектном процессе концептуализации явления действительности. В тоже время это формирование смысла или переосмысление уже существующего происходит во взаимодействии фреймоподобных структур знаний с символическими знаковыми системами, воплощающими и, в частности, вербально символизирующими эти смыслы. В этой перспективе метафора — это, прежде всего, отношение между миропониманием и его вербально символизируемым «схваченным» индивидом смыслом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Морковкин, В.В., Морковкина, А.В. Язык, мышление и сознание et vice versa // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. С. 63–70.

3. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. *Минский, Марвин Ли.* Фреймы для представления знаний / пер. изд. Minsky, Marvin. A framework for representing knowledge. Cambridge, 1974; пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с. URL: <https://www.libfox.ru/197320-marvin-minskiy-freyму-dlya-predstavleniya-znaniy.html> (дата обращения: 08.02.2021).
5. *Поляков, С.Э.* Концепты и другие конструкции сознания. СПб.: Питер, 2017. URL: <https://psyfactor.org/lib/polyakov3.htm> (дата обращения: 08.02.2021).
6. *Филлмор, Ч.Дж.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 52–92.
7. *Филлмор, Ч.Дж.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ. и под ред. Б.Ю. Городецкого. Радуга, 1983. Вып. 12. Прикладная лингвистика. С. 74–122. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/novo/text.pdf> (дата обращения: 08.02.2021).
8. *Ричардс, А.А.* Философия риторики // Теория метафоры / ред. и пер. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: ПРОГРЕСС, 1990. С. 44–67.
9. *Sylvestre, Jean-Marc.* Voyage en Russie: ce qu'Emmanuel Macron peut espérer obtenir de Vladimir Poutine. URL: <https://atlantico.fr/article/decryptage/voyage-russie-emmanuel-macron-peut-espérer-obtenir-vladimir-poutine-jean-marc-sylvestre> (дата обращения: 10.02.2021).
10. *Блэк, М.* Метафора // Теория метафоры / ред. и пер. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: ПРОГРЕСС, 1990. С. 153–173.
11. *Arnac, M.* Le Brelan de joie. Paris: Grasset, 1924. 252 p.
12. *Лакофф, Дж., Джонсон, М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS, 2017. 252 с.
13. *Баранов, А.Н.* Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS, 2017. С. 7–21.
14. *Musso, G.* La fille de papier. Paris: XO EDITIONS, 2010. 376 p. URL: <http://john.free.fr/epub/La%20Fille%20De%20Papier/La%20Fille%20De%20Papier%20-%20Guillaume%20Musso.pdf> (дата обращения: 12.03.2021).
15. *Попова, З.Д., Стернин, И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. 30 с.
16. *Бирдсли, М.* Метафорическое сплетение // Теория метафоры / ред. и пер. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: ПРОГРЕСС, 1990. С. 201–219.
17. “En mettre plein la vue”. Les expressions françaises décortiquées. URL: (дата обращения: 22.03.2021).
18. “Vue”, définition dans le dictionnaire Littré. URL: <https://www.littre.org/definition/vue> (дата обращения: 22.03.2021).
19. *Нагорная, А.В.* Смешанная метафора. Рец. на кн.: *Mixing Metaphor* / eds. R.W. Gibbs, jr. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publ. comp., 2016, 283 p.

REFERENCES

1. Karasik V.I. *Jazykovej krug: lichnost, koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena, 2002, 477 p. (in Russ.)
2. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. Jazyk, myshlenie i soznanie et vice versa. *Russkij jazyk za rubezhom* [Language, Thinking and Consciousness et Vice Versa], 1994, No. 1, pp. 63–70. (in Russ.)

3. Kubrjakova E.S. *Jazyk i znanie: na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol jazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury, 2004, pp. 560. (in Russ.)
4. Minskij Marvin Li. *Frejmy dlja predstavlenija znanij* [A Framework for Representing Knowledge], transl. by O.N. Grinbauma, ed. by F.M. Kulakova. Moscow, Jenergija, 1979. Available at: <https://www.libfox.ru/197320-marvin-minskiy-frejmy-dlja-predstavleniya-znaniy.html> (accessed: 08.02.2021). (in Russ.)
5. Poljakov S.E. *Koncepty i drugie konstrukcii soznanija* [Concepts and Other Constructions of Consciousness]. Saint-Petersburg, Piter, 2017. Available at: <https://psyfactor.org/lib/polyakov3.htm> (accessed: 08.02.2021). (in Russ.)
6. Fillmor Ch.Dzh. *Frejmy i semantika ponimanija* [Frames and Semantics of Understanding]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in Foreign Linguistics], transl. from English and ed. by B.Y. Gorodetsky, Issue 23 “Cognitive Aspects of Language”. Moscow, 1988, pp. 52–92. (in Russ.)
7. Fillmor Ch.Dzh. *Osnovnye problem leksicheskoj semantiki* [The Main Problems of Lexical Semantics]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in Foreign Linguistics], transl. from English and ed. by B.Y. Gorodetsky. Moscow, Raduga, 1983. Iss. 12 “Applied Linguistics”, pp. 74–122. (in Russ.)
8. Richards A.A. *Filosofija ritoriki* [The Philosophy of Rhetoric]. In: *Teorija metafory* [Metaphor Theory], eds. N.D. Arutjunova, M.A. Zhurinskaya. Moscow, PROGRESS, 1990, pp. 44–67. (in Russ.)
9. Sylvestre Jean-Marc. *Voyage en Russie: ce qu’Emmanuel Macron peut espérer obtenir de Vladimir Poutine*. Available at: <https://atlantico.fr/article/decryptage/voyage-russie-emmanuel-macron-peut-esperer-obtenir-vladimir-poutine-jean-marc-sylvestre> (accessed: 10.02.2021).
10. Bļjek M. *Metafora* [A Metaphor]. In: *Teorija metafory* [Metaphor Theory], eds. N.D. Arutjunova, M.A. Zhurinskaya. Moscow, PROGRESS, 1990, pp.153–173. (in Russ.)
11. Arnac M. *Le Breilan de joie*. Paris, Grasset, 1924, 252 p.
12. Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors that We Live by]. Moscow, URSS, 2017, 252 p. (in Russ.)
13. Baranov A.N. *Predislovie redaktora* [Editor's Preface]. In: Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors that We Live by]. Moscow, URSS, 2017, pp.7–21. (in Russ.)
14. Musso G. *La fille de papier*. Paris, XO EDITIONS, 2010, 376 p. Available at: <http://jsohn.free.fr/epub/La%20Fille%20De%20Papier/La%20Fille%20De%20Papier%20-%20Guillaume%20Musso.pdf> (accessed: 15.04.2021).
15. Popova Z.D., Stermin I.A. *Ponjatie “concept” v lingvisticheskikh issledovanijah* [The Concept of “Concept” in Linguistic Research]. Voronezh, Voronezh State University Publishing House, 2000, 30 p. (in Russ.)
16. Birdslī M. *Metaforicheskoe spletenie* [Metaphorical Plexus]. In: *Teorija metafory* [Metaphor Theory], eds. N.D. Arutjunova, M.A. Zhurinskaya. Moscow, Progress, 1990, pp. 201–219. (in Russ.)
17. “En mettre plein la vue”. *Les expressions françaises décortiquées*. URL: <https://www.expressio.fr/expressions/en-mettre-plein-la-vue> (accessed:15.04.2021).
18. “Vue”, *définition dans le dictionnaire Littré*. Available at: <https://www.littre.org/definition/vue> (accessed: 22.03.2021).

19. Nagornaja A.V. Smeshannaja metafora [Mixing Metaphor]. *Socialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literature*, Ser. 6 “Jazykoznanie” [Social and Humanitarian Sciences. Russian and Foreign Literature, Ser. 6 “Linguistics”], 2017, No. 2, pp. 18–26. (in Russ.)
-

Беликова Галина Васильевна, кандидат культурологии, доцент, профессор, кафедра романских языков им. В.Г. Гака, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, galatin@yandex.ru

Galina V. Belikova, PhD in Culture Studies, Associate Professor, Romanic Languages Department, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, galatin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.04.2021. Принята к публикации 20.05.2021

The paper was submitted 25.04.2021. Accepted for publication 20.05.2021